

М. М. ВАЛЕНЦОВА
(Москва)

РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД ВЕРБНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ В ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ТРАДИЦИИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА¹

Аннотация. В статье исследуется растительный код в терминологии Вербного воскресенья (хрононимах, названиях обрядовых реалий и действий) и обрядности у чехов и словаков. Рассматриваются принципы номинации, случаи кросс-номинации в разных группах обрядовой лексики, способы мотивации.

Ключевые слова: этнолингвистика, этноботаника, лексикология, обрядность чехов и словаков, традиционный календарь.

Каждый из праздников, в которых растительность играет заметную или главную роль (например, Троица, 1 мая, Иван Купала), имеет свою специфику. Специфика Вербного воскресенья, шестого воскресенья Великого поста, последнего перед Пасхой, заключена в обрядности и терминологии этого дня — названиях праздника, обрядовых реалий и действий.

Хрононимы указывают на то, что этот день посвящен празднованию весеннего возрождения природы, начала вегетации, роста растений, цветения. Названия праздника в разных славянских традициях мотивированы именами наиболее часто используемого растения — вербы — или аппелятивом *цветы*: рус. *Вербное воскресенье*, укр. и бел. *Вербна неділя*, серб. *Врбица*, болг. *Врбница*; с.-х. *Цвијети*, *Цветница*, словен. *Cvetnica*, болг. *Цветница*, макед. *Цветници*, пол. *Niedziela Kwietna*, чеш. *Květná neděle*, *Květnica*, *Květnová neděle*, *Na kočičku* (Противинско, ю.-чеш.), словац. *Kvetná nedeľa*. В р-не Римавской

Сobotы целую неделю перед Вербным воскресеньем называли *Na kvety* 'на цветы'. У западных славян также используются хрононимы, мотивированные названием растения, упомянутого в Евангелии, — пальмы, ветвями которой приветствовали Христа при въезде в Иерусалим: пол. *Niedziela Palmowa*, чеш. *Palmová neděle* (Моравия, обл. Подгорацко; Западная Чехия, обл. Ходско).

Действительно, главным (и, практически, единственным) обрядовым предметом являются пучки вербы (ивы, ракиты) с соцветиями, которые называются по-русски *барашками*, а в чешском и словацком языках имеют множество названий, значение которых включает семы 'молодое животное', 'птенец', 'маленький', 'мягкий, пушистый', например: «котятки», «козлятки», «овечки», «барашки», «гусятки», «цыплятки» и под.:

— чешские: *kocoury* 'котики' (Ходско, з.-чеш.), *kočičky* 'кошечки' (Ходско, Домажлицко, з.-чеш.), *kořátka* 'кошечки' (морав.), *barušky* (Лугачевское Залесье, Товачовско, морав.), *barišky* (словац.-морав. пограничье), *kocanky* (Опавско, морав.), *jehněd* 'ягнятки', *barušky*, *barišky* (морав.);

— словацкие: *baburence*, *baburiatka*, *baburki*, *baboliatka*, *babuniatka*, *bahurence* 'гусята' (юго-зап.-словац. наречия), *barky* 'овечки' (Гонт, Новоград, ю.-словац.), *jarabátka*, *jaborátka*, *jaburátka*, *jabarátka*, *jabrátko* 'пеструшки', 'цыплятки' (р-н Модры, Трнава, Глоговца, Пьештян — юго-зап.-словац. говоры), *kozliatka*, *baránki* 'козлятки, барашки' (ок. Левице), *béčki*, *bački*; *birky* 'овечки' (из венг. 'овцы' — юж. Земплин, ужские говоры и часть Абова), *kočičky* (Страни, Моравске Льескове, Загорье — з.-словац.); *kočence* (ок. Сеницы), *kořátka* (ок. Скалицы), *kočátka* (Вайноры) — 'кошечки', *cícky*, *cícušky* (от *cícka* 'кошка' — юж.-среднесловац. говоры), *bužiki* (словаки в Венгрии), *bariški*, *baruški*, *bariki* (к югу от Нитры, ед. фиксации в Гонте, Новограде), *bažurki*, *bažičky* (горный Спиш, Замагурье — с.-словац.), *bažičky* (ок. Бардеева — в.-словац.), *bažački*, *bažičky* (Шариш, часть Земплина — в.-словац.), *búriky*, *búžiky*, *púzalki* (Зволен, обл. Верхнего Грона — ср.-словац.),

¹ Работа выполнена при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе».

pužiki (часть Новограда и Гемера), *pužički, pujički, bujički*, (Спиш, Абов и часть Шариша — с.-словац.), *maňuški, meňuški, maňki* (Дольна Орава, Липтов, часть Зволена — с.-словац, ср.-словац.) [Валенцова 1996].

Интересен случай обратной номинации, приведенный в словаре Й. Ф. Грушки: лексема *kočička*, во мн. числе обозначающая ‘ветки с почками’, освящаемые в Вербное воскресенье (Ходско, Домажлицко, з.-чеш.), и само распустившееся соцветие, в ед. числе приобретает значение ‘ива’ [Hruška 1907, 42].

Для освящаемых в Вербное воскресенье веток у чехов были и другие названия, например: *koště, koštiště, košťata* или *chvostě*, что значит ‘метла, веник’ (зап.-чеш.), в южной Чехии — *beran, beraní* ‘баран’. Эти названия обозначали связку прутьев и веток различных пород деревьев и кустов-первоцветов: в связке были вербовые ветки с барашками, ветки черемухи (столько, сколько полей засеяно пшеницей), хвойные ветки (столько, сколько всего угодий у хозяина), цветущий волчегонник (его потом затыкали на грядку с горохом) и дубовые листья (Кржемже ок. Крумлова) [Velikopoše 1893, 599].

«Баранами» (*beranu*) также назывались прутья лещины, которые привязывали вокруг длинной палки, украшали первыми весенними цветами, лентами и бантами (Писецко, Таборско, Будеевицко, Собенов, ю.-чеш.) [Zíbrt 1950, 239]. Путья в *beránke* могли быть очень длинные, до 4 метров длиной (ю.-чеш. Лишов, Велешин). Длина прутьев кодировала информацию эмоционального плана: например, у словаков считалось, что чем длиннее ветка, которую парень подарит в Вербное воскресенье своей девушке, тем сильнее его любовь.

Из-за этого названия веток воскресенье называлось в Южной Чехии *Beránková neděle* ‘Воскресенье барашков’. Хотя освящали не только ореховые прутья, но и ветки вербы, называемые здесь *kočičku* (Собенов, ю.-чеш.) [Vančík 1969, 30].

В Чехии и Моравии для прутьев, освящаемых в Вербное воскресенье, употребляют также название *palmy*, хотя готовились они, конечно, из ветвей

лесного ореха, боярышника, калины и некоторых других растений. Распустившиеся у теплой печи ветки связывали вербовым прутом, украшали золотыми орешками, скорлупками яиц, бумажками (Яновице, з.-чеш.) [Zíbrt 1950, 238]. В Моравии «пальмы» — это распустившиеся веточки вербы, ясени, черешни и липы (Ждярско, Простеевско, Подгорацко) [Vyhlídal 1906, 39; Pernica 1951, 48].

В Моравии связки веток боярышника, орешника и ильмовых назывались *klokoč*, или *klokoče* — ‘клокичка’, их освящали как в Вербное воскресенье, так и в страстную, то есть Белую, субботу, когда их опаляли на костре возле костела [Zíbrt 1950, 238; Пржиборско — Bartoš 1892, 40].

Наиболее распространенной, а также литературной формой названия данной реалии у словаков является лексема *bahniatka* (Тренчин, Турец, Орава), с вариантами *bahňitky* (сев. Земплин), *bahnički* (един. на Спише), мотивированная местом произрастания ивовых — *bahno* ‘болото, мокрое место, грязь’. Этим словом называются не только сами «барашки», но и целые ветки. Однокоренная лексема с теми же значениями зафиксирована и в Моравии: *bahníř* (Силезия).

Итак, у чехов и словаков в Вербное воскресенье освящали не только вербу, но и другие виды растений: иву, раkitу, ольху; лещину, дуб, тис, ильм, ясень, березу, липу, черешню, клокичку, черемуху, волчегонник; ель, можжевельник, крыжовник.

Представляется, что каждое из растений кодирует определенный смысл, вкладываемый в ритуал с его участием. Из этноботаники известно, что верба и ива являются символом быстрого роста, живучести; дуб, тис — деревья-доноры, связанные в мифологии с грозой и богом-громовником; лещина — культовое растение, апотропей, имеющий эротические коннотации; липа — священное и особо почитаемое у славян дерево, универсальный апотропей; ель, можжевельник, крыжовник благодаря своим колючкам считались оберегами от нечистой силы и т. п.

Посмотрим на использование растений в обрядности Вербного воскресенья 123

и освященных в этот день веток в течение всего года.

1. Освященные ветки затыкали на поле — для урожая и оберега от бури и от ведьм. Из них делали крестики, которые клали на поле. Если разбирали упомянутые «бараны», то для каждой культуры делали крестики из отдельной породы дерева (чеш.). Иногда случалось так, что крестик, сделанный из хвойных пород, заткнутый на поле, оставался зеленым до самой уборки, как будто бы ветка росла все время; в таком случае верили, что тот, кто наткнется на него во время уборки, умрет в тот же год в тот же день недели (Лишов, ю.-чеш.) [Velikonose 1893, 701]. Словаки клали ветки при запашке в первую борозду (Орава). В Моравии мальчики выносили освященные ветки (береза, липа, черешня, ясень) в поле или на перекресток и танцевали вокруг них (Подгорацко), трясли и крутили ветки в воздухе по солнцу, чтобы так волновалось жито во время роста; для обеспечения урожайности привязывали вербные ветки к плодовым деревьям.

2. Освященные ветки держали в доме и хозяйственных постройках в качестве оберега. Их относили в погреб и в кладовую — от мышей и лягушек; клали за балку, за крышу и сжигали во время бури (чеш.); вербу затыкали в доме за образа или за крест перед столом для защиты дома от молнии; мораване верили, что *kočičku* охраняют дом от пожара и молнии, хлевы — от ведьм, поля — от кротов. Словаки полагали, что в дом, где были освященные ветви, никогда не ударит молния и не будет пожара (Вайноры). Ивовую ветку затыкали за балку в хлеву для охраны скота от мора, болезней и ведьм. Чехи считали, что «клокичка» должна быть в доме, так как ею можно отогнать водяного [Vykoukal 1901, 126], а словаки — что тому, у кого есть освященные ветки, не навредят никакие чары.

3. Стегали ветками — для здоровья и ради оберега.

Парни, выйдя из костела, стегали девушек, чтобы они были «свежими» (Противинско, ю.-чеш.). Березовые ветки сохраняли для первого выгона скота на пастбище (чеш.; словац. — Верхний Грон); слегка стегали освященными

ветками коров, чтобы они доились, также стегали пса и скотину от сглаза (чеш. — Йиглавско, Злинско) [Václavík 1959, 207], в Моравии парни привязывали ветки к пастушьям кнутам, чтобы велся скот (ю.-морав. — Ждярско) [Pernica 1951, 48].

4. Сжигали, окуривали ради оберега и лечения.

Через тлеющие ветки прогоняли скот при первом выгоне на пастбище (ю.-морав.), окуривали дымом «барашков» масленку, когда не могли сбить масло (морав.), сжигали во время кончины кого-либо из членов семьи, а также клали в гроб умершему (морав.), сжиганием освященных ракитовых «барашков» и цветов отгоняли бурю и гром от дома и поля (словац., морав.).

5. Съедали «барашки» освященных веток ради здоровья.

В разных местах Чехии верили, что каждый должен проглотить почку вербы и руту, чтобы не отравиться, не заболеть желтухой и не быть боязливым; 1—3 почки глотали, чтобы горло и желудок не болели, чтобы весь год не болело горло и чтобы змея не укусила [Velikonose 1893, 598—599; Vykoukal 1901, 126]. Мораване верили, что «барашки» помогают при болезнях скота, людям — при болезнях горла, глаз, что они лечат лихорадку, а кроме того, верили, что тот, кто съест почку, освященную в Вербное воскресенье, не заблудится в лесу [Václavík, 1930, 390]. У словаков их использовали как лекарство от боли в горле и опухоли миндалин (ок. Зволена).

6. Использовали с целью обеспечения плодovitости.

Освященные ветки, обвязанные белой тесьмой, несли родным и в те дома, где нет детей, получая за это подарки (Домажлицко, з.-чеш.) [Velikonose 1893, 611]; связывали прутья повойником, чтобы было много детей (морав., Подгорацко) [Pernica 1951, 48]; выкупившихся гусят, когда выкладывали из гнезда на землю, пускали через ветки вербы или ракиты, чтобы гусята хорошо росли и кормились (словац.).

7. С ветками обходили село — вносили «новое лето», символ весны, плодородия. В Западной и Северо-западной Словакии обряд внесения в село

распустившихся веток или зеленого деревца (*nosenie leta, letečka, nového leta*) совершался чаще всего в Вербное воскресенье [Kleráčová 1979, 559—560].

Этот обряд — часть другого ритуала, связанного с выносом соломенного чучела — символа зимы и болезней — и внесением в село зеленого деревца или веток — символа наступающего лета и здоровья, обычно исполняющегося в более ранние сроки (в 4-е или 5-е воскресенья Великого поста). Однако при исполнении обряда (или второй части обряда) в Вербное («Кветное») воскресенье, благодаря сходной семантике и символике зелени, два различных обряда объединялись, пересекались, в том числе и терминологически. В Моравии обходили село — «ходили *“po máji”*» именно с ивовой или вербовой веткой. У словаков кое-где первые весенние цветы ракиты и вербы (*cícky, púziky, búžiky, púzalky, púčky*) разносили по всем домам девушки лет 12—14. Та, что несла связку «барашков» под пазухой, была одета в праздничную одежду и белый женский чепец. В доме они танцевали, произносили благопожелания, оставляли по три прутика и получали за это подарки. Эти прутики люди сразу освящали в костеле, веря, что тому, у кого они есть, не навредят никакие чары (Dobšinský 1993, 118—119).

Обряд внесения ветки-«лета» в Вербное воскресенье иногда назывался у словаков *kvetnica* (Велький Дюр, р-н Нитра), *kočanki*, т. е. «почечки» (Ошчадняца, р-н Чадца), *kvetovanie* (словаки в Югославии), *zelená vrba* (Невидзаны, р-н Нитры) [Kleráčová 1979, 566]. Кроме того, «кветницей» называлось великопостное обрядовое деревце, а в моравских и словацких песнях также и кукла Марена. Все эти названия мотивированы хрононимом *Kvetná nedeľa*.

8. Использовали магическую силу зелени в следующих ритуалах.

Ветки втыкали на могилах, вместе с пасхальными яйцами клали на могилы близких, веря, что это облегчает душам умерших возврат на землю (Новоград и Гонт) [Horváthová 1986, 176—177]. В лечебной практике у чехов человек, у которого часто болит горло, привязывал на вербовую ветку белую шерстя-

ную нитку, а после освящения букета в костеле завязывал эту нитку себе на шею, веря, что весь год «у него с горлом будет порядок» (Дилы, ок. Домажлиц, зап.-чеш.) [Velikonose 1893, 599]. Это обрядовое действие имеет южнославянскую параллель — с тем отличием, что у южных славян, наоборот, нитки и ленты с пожеланием исцеления и здоровья завязывали на дереве и там оставляли.

Итак, основные функции освященных в Вербное воскресенье веток и цветов — апотропеическая (оберег для дома, двора, поля), продуцирующая (обеспечение урожайности и плодovitости, рождаемости, роста), лечебная (проглатывая и окуливая ими, избавлялись от болезней), символическая (символ нового года, лета, вегетации). Отдельно отметим связь освященных вербовых веток с природными стихиями, т. е. с «небом», «верхом», когда дымом сжигаемых веток разгоняли грозовые и градовые тучи, защищали дом от грома и молнии.

Основным растением, используемым в Вербное воскресенье, конечно, является верба. Это, как писала В. В. Усачева, растение (дерево или кустарник), символизирующее быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие. В связи с этим верба защищает от стихийных бедствий, нечистой силы, болезней (подробнее о вербе см. [Славянские древности 1995, 333—335]). Поэтому удивительно, что на всей чешско-словацкой территории не зафиксировано ни одного термина с атрибутивом «вербный» или производного от «верба», несмотря на ритуальное использование этого растения (кроме маргинального *zelená vrba*, относящегося к обряду «внесения *leta*»).

Другие обрядовые действия, поверья и запреты в Вербное воскресенье занимают более скромное место в обрядности этого дня. Они тоже связаны с вегетацией, ростом и будущим урожаем. По чешским поверьям, в Вербное воскресенье нельзя ничего печь из муки, иначе «запечешь» цвет на деревьях, и на них не будет плодов (Яромерж, в.-чеш.) [Český lid 1905/9, 446]. Перед восходом солнца селяне молились, прося о здоровье и урожае, умывались росой или

водой из реки, ветвями выгоняли из дома насекомых, пекли обрядовое печенье «иуды» (*jidášky*). Обычай рано утром умываться на реке известен и в Словакии (р-н Вранова). В Западной Словакии женщины собирали утром росу и сохраняли ее для лечения. В Средней Словакии на восходе солнца старались засеять как можно больше зерна, чтобы выросли большие, красивые колосья.

Словаки также верили, что во время чтения в костеле «страстей» (литургических текстов о страданиях Христа) можно найти клады, на которые указывают горящие над ними огоньки; по другим версиям, клады «просушиваются», т. е. выходят на поверхность, и достаточно только взять их; рассказывали также, что клады можно найти в открывающихся в это время пещерах. В связи с запретом работать в этот день, бытовало убеждение, что если во время чтения «страстей» стирать и бить пестом, можно уничтожить урожай фруктов на таком расстоянии, куда доносится звук песта (обл. Тренчина).

Положительная семантика праздника отразилась и в словацком обычае брать детей на мессу в костел, чтобы они скорее научились говорить (Лишов, Поломка, р-н Брезна) [Horváthová 1986, 176—177].

Многие обрядовые действия, совершаемые в Вербное воскресенье, выполняются в течение всей Страстной недели (особенно в Великую пятницу), запрет печь хлеб связывается также с Благовещением и т. д.

Особенности Вербного воскресенья связаны почти исключительно с вербовыми (ивовым, раkitовыми) ветками, которые расцветали раньше всех других деревьев, до появления листьев, и вызывали восхищение народа своей живучестью, жизненной силой, прочностью, гибкостью. Эти качества с помощью обрядовых действий с ветками старались перенести на себя и на значимые в хозяйственной деятельности человека объекты. С помощью этих растительных символов кодировались наиболее значимые в данный период устремления и пожелания: здоровье, сила, будущий урожай, а значит, вновь — достаток, сила, здоровье.

Литература

Валенцова 1996 — Валенцова М. М. Терминология календарной обрядности чехов и словаков. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Славянские древности 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А — Г. М., 1995.

Bartoš 1892 — Bartoš F. Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892.

Dobšinský 1993 — Dobšinský P. Slovenské obyčaje, poverý a čary. Edícia Pramene. Bratislava, 1993. [Reprint: Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povie. Vydáva Matica Slovenská. Sväzok I. Vo Viedni, 1870].

Český lid 1905 — Český lid. Praha, 1892—, r. 1—.

Horváthová 1986 — Horváthová E. Rok vo zvykoch nášho ľudu. Bratislava, 1986.

Hruška 1907 — Hruška J. F. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907.

Klepáčová 1979 — Klepáčová E. Zeleň vo výročných obyčajoch // Slovenský národopis. 1979. № 4. S. 553—565.

Pernica 1951 — Pernica B. Rok na Moravském Horácku a Podhorácku. Havlíčkův Brod, 1951.

Václavík 1930 — Václavík A. Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hani. Luhačovice, 1930.

Václavík 1959 — Václavík A. Výroční obyčaje a lidové umění. Praha, 1959.

Vančík 1969 — Vančík F. Kalendární obyčaje z Jihočeského Soběnova. Terénní výzkum z let 1962—1963. Praha, 1969.

Velikonoce — Velikonoce. Ze sbírek zaslanych Českému lidu // Český lid. II. 1893. № 5. S. 598—612.

Vyhlídal 1906 — Vyhlídal J. Rok na Hané. Praha, 1906.

Vykoukal 1901 — Vykoukal F. V. Rok v starodávných slavnostech našeho lidu. Praha, 1901.

Zíbrt 1950 — Zíbrt Č. Veselé chvíle v životě lidu českého. Vyšehrad—Praha, 1950.

Summary. The article deals with the vegetative code in the terminology of the Palm Sunday in Czech and Slovak traditions. The principles of nomination, cross-nomination of different groups of the ritual vocabulary, types of motivation are investigated.

Key words: ethnolinguistics, ethnobotanics, lexicology, rituals of Czechs and Slovaks, folk ritual calendar.